

**ТВОРЧЕСТВО А.С. ПУШКИНА
КАК ВЫРАЖЕНИЕ СИНТЕЗА
ЯЗЫКОВЫХ И КУЛЬТУРНЫХ СИСТЕМ
РОССИИ И ЕВРОПЫ**

М.А. Широкова

Ключевые слова: русская культура, русская литература, европейская литература, русский язык, национальное самосознание.

Keywords: Russian culture, Russian literature, European literature, the Russian language, national identity.

DOI 10.14258/filichel(2018)4-02

Давно замечено, что всякий вопрос о русской культуре, так или иначе, оборачивается вопросом о Пушкине. А.С. Пушкин – неотъемлемая и, возможно, важнейшая составляющая культурного кода, в котором заключена наша идентичность.

Для того, чтобы подчеркнуть непреходящую актуальность проблематики, связанной с Пушкиным, хотелось бы привести некоторые оценки роли великого поэта во взаимодействии языковых и культурных систем России и Европы. Одни суждения принадлежат представителям русской классической литературы и религиозной философии XIX века, другие – исследователям советского периода, третьи – современным отечественным авторам. Но особое внимание необходимо обратить на высказывания мыслителей русского зарубежья. Именно писатели и философы-эмигранты наиболее остро осознавали то, что и для современного литературоведения является совершенно необъяснимым фактом.

Данный факт – всемирная непризнанность Пушкина, которая тем более удивительна, что, казалось бы, все признают подмеченное Достоевским уникальное, исключительное свойства поэта – его «всемирную отзывчивость». Непризнанность эту нельзя не заметить, особенно учитывая авторитет и востребованность в мире других гениальных русских литераторов: Л.Н. Толстого, Ф.М. Достоевского, А.П. Чехова, достаточно широкого круга писателей XX столетия.

Оценивая культурно-историческое значение Пушкина для современности, И.В. Кондаков отмечает, что «Пушкин остается преимущественно феноменом не мировой, не общечеловеческой, не европейской по преимуществу, а исключительно русской культуры»,

называя в качестве ведущих характеристик поэта «как извне, так и изнутри нашей национальной традиции» его «герметичность», «замкнутость в себе», «национально-культурную самоценность». Исследователь делает вывод, что «Пушкин стал, по существу, самым неосвоенным явлением русской культуры» [Кондаков, 1999, с. 161].

Говоря словами Достоевского из его «Записок о русской литературе», Пушкин есть «неизвестнейший из всех великих русских людей» в мире (Достоевский, URL)¹.

Не зная русского языка и русской культуры, невозможно понять Пушкина, и это не случайно. Он в принципе непереволим как поэт на другие языки. В.С. Непомнящему, председателю Пушкинской комиссии Института мировой литературы Российской Академии наук, принадлежит следующая мысль: если существует степень переводимости поэтов, то у Пушкина она – самая низкая. А степень его недоступности для людей, говорящих и читающих на других языках – самая высокая. Отдельные удачи переводчиков ничего не меняют, в переводе невозможно совместить дух и букву оригинала, и поэтому весь остальной мир в лучшем случае верит нам на слово, что Пушкин – великий поэт, просто из уважения к литературе Толстого, Достоевского и Чехова. Например, Шекспира, Сервантеса, Данте мы в хороших переводах узнаем. А вот адекватных переводов Пушкина на иные языки не существует. И не только потому, что русский язык, как, возможно, нам было бы лестно подумать, – прекраснейший, самый совершенный и самый сложный язык из всех языков человечества. В таком духе, например, высказывался Проспер Мериме, который достаточно хорошо знал русский язык и пытался переводить Пушкина. Главная причина непереволимости нашего национального гения – в другом. Непомнящий неоднократно повторяет в своих работах: «Пушкин – это Россия, выраженная в слове. Конечно, то же можно сказать о всей нашей великой классике. Но Пушкин – это что-то совсем особенное. Нет, не скажу, что Пушкин “больше” или “лучше” Шекспира или Данте, тут другое. Просто он – выраженная в слове Россия, которая до сих пор загадка для всего мира – то раздражающая, то удивляющая, то восхищающая, но загадка. И для нас самих тоже. Как и Пушкин, в котором выразилось вот это качество России» [Непомнящий, 2009].

Иллюстрацией непереволимости Пушкина является сюжет, исторически имевший место и прокомментированный различными

¹ Здесь и далее в круглых скобках даны ссылки на тексты из списка источников, приведенного в конце статьи.

авторами, в частности, В.С. Непомнящим и Н.В. Измайловым [Измайлов, 1974].

В 1876 году И.С. Тургенев перевел несколько стихотворений Пушкина на французский язык, в прозе. Тургенев не взял на себя смелости поэтического перевода, так как считал, что это должен когда-нибудь сделать поэт – крупный знаток как русского, так и французского языков, обладающий в то же время выдающимся даром стихотворца. А пока такой поэт не появился, Тургенев, желая ознакомить французского читателя с творчеством Пушкина, осуществил переводы в прозе и показал их Гюставу Флоберу, считавшемуся одним из крупнейших европейских писателей XIX века, знатоком «точного слова», надеясь получить профессиональный совет.

Будучи признанным мастером французской словесности, Флобер совершенно не знал русского языка, но не отказал Тургеневу в помощи. Он внес ряд поправок стилистического рода, по большей части принятых Тургеневым. Однако публикация четырех пушкинских стихотворений в небольшом французском журнале прошла почти незамеченной общественностью. И восприятие текстов Пушкина Флобером весьма показательным в этом плане. Прочитав тургеневские переводы, французский автор сказал: «Он банален, ваш поэт!» Для любого русского читателя это – нечто совершенно непредставимое. Ведь Тургенев перевел такие стихотворения, как «Анчар», «Пророк», «Поэту», «Опричник». По некоторым сведениям, у писателя было намерение перевести и одно из главных пушкинских стихотворений «Я вас любил».

В самом деле, как показывает В.С. Непомнящий, если попробовать представить себе «Я вас любил» в переводе на другой язык, это окажется практически невозможным. Беда этих стихов в том, что в них нет тех вербальных черт, которые должны быть присущи поэзии. Например, нет ни одной метафоры, за исключением слова «угасла». Но и это едва ли не расхожее выражение. Весь словарный состав стихотворения вполне отвечает условиям обыкновенного разговорного языка. Нет ни одного специфически яркого слова, выпирающей детали. И, главное, порядок слов почти такой же, как и в обычной речи. «Я вас любил, Любовь еще, быть может» – можно сказать «может быть». «В душе моей («в моей душе») угасла не совсем». И так далее. Только слово «томим» имеет поэтическую тональность. Больше никакой поэзии, «языка богов» в этих стихах нет. Это обычная человеческая речь. Таким образом, мы имеем дело с поэзией, как бы отказывающейся от самой себя. Это – абсолютная поэзия, в силу именно того, что она не хочет ничего специфически

поэтического, она просто себя выражает как поэзия как таковая. А абсолютное, как мы понимаем, непередаваемо и непередаваемо никакими иными способами, кроме абсолютных. Поэтому никакими иными словами передать смысл, который есть в этом стихотворении, ни русскими, ни тем более иностранными, невозможно. Это все равно, что схватить руками воздух [Непомнящий. Размышления..., URL].

Итак, Пушкина невозможно понять, не зная русского языка и России. Но, с другой стороны, феноменально то обстоятельство, что сам Пушкин, создатель русского литературного языка, далеко не сразу начал пользоваться им в своем творчестве.

В.В. Вейдле, литературовед, культуролог, историк культуры русской эмиграции, в своей статье «Пушкин и Европа» подчеркивал: «Это едва ли не единственный случай в истории литературы, чтобы великий поэт, величайший поэт своей страны, признавался, что ему легче писать на иностранном языке, чем на своем». Пушкин действительно писал на французском языке как личные письма, так и письма официального характера, а также предпочитал обращаться к нему «для изложения мыслей сколько-нибудь отвлеченных». «Когда ему надо было рассуждать, он делал это большей частью по-французски, и русское выражение редко приходило ему первым на ум» [Вейдле, URL], о чем свидетельствуют его черновые записи.

Интересно, как сам А.С. Пушкин оценивал возможности современного ему русского языка. Говоря об эстетической его стороне, поэт в 1822 году пишет: «Есть у нас свой язык; смелее! – обычаи, история, песни, сказки – и проч.» (Пушкин, 1958, с. 527).

Позднее, в заметке «О причинах, замедливших ход нашей словесности» (1824) он уже критически высказывается о русском языке в целом и о языке науки в частности: «У нас нет еще ни словесности, ни книг, все наши знания, все понятия с младенчества почерпнули мы в книгах иностранных, мы привыкли мыслить на чужом языке <...> ученость, политика и философия еще по-русски не изъяснялась – метафизического языка у нас вовсе не существует» (Пушкин, 1958, с. 18). Разумеется, «метафизический язык» должен формироваться на основе достаточно развитого литературного языка.

И вот теперь для русского языка настало время органично вобрать в себя «метафизические понятия». Пушкин был уверен в этом, но и осознавал всю необъятность поставленной цели. России, в лице образованных слоев общества, предстояло не только в короткий срок разработать собственные «ученость, политику и философию», но параллельно создать русский литературный язык как средство их выражения. Пушкин называет основной «причиной, замедлившей ход

нашей словесности», повседневное использование русским дворянством французского языка вместо своего родного. «Все наши писатели на то жаловались, – но кто же виноват, как не они сами». Действительно, трудно начать философски и научно мыслить, говорить и писать на русском языке, когда он настолько еще необработан, что «даже в простой переписке мы принуждены *создавать*» необходимые речевые конструкции «для изъяснения понятий самых обыкновенных». Неудивительно, что «леность наша охотнее выражается на языке чужом, коего механические формы уже давно готовы и всем известны» (Пушкин, 1958, с. 18).

Проблема состояла еще и в колоссальном культурном разрыве между социальными слоями российского общества. Лидер славянофильского направления А.С. Хомяков пришел к выводу, что «в высших сословиях проявлялось знание, но знание, вполне отрешенное от жизни; в низших – жизнь, никогда не восходящая до сознания» [Хомяков, 1988, с. 99]. Задачу мыслящих людей России Хомяков видел в том, чтобы соединить русскую жизнь и сознание. Для этого, по мнению славянофилов, европеизированным классам необходимо вернуться к своим истокам, но уже на сознательном уровне, перестать повторять, как говорил Хомяков, «благоприобретенные мысли на благоприобретенных языках» и выразить русскую мысль, культуру и искусство на русском языке. «Язык, чтобы быть послушным и художественным орудием нашей мысли, должен быть не только частью нашего знания, но и частью нашей жизни, частью нас самих» [Хомяков, 1988, с. 97].

Приведенная цитата взята из статьи Хомякова «Мнение иностранцев о России» 1845 года. Как видим, даже после смерти Пушкина основоположник славянофильства не считал еще поставленную задачу выполненной. Следует оговориться, что не только Хомяков, но и другие ранние славянофилы (И.В. Киреевский, К.С. Аксаков, Ю.Ф. Самарин) недооценивали Пушкина за, на их взгляд, недостаточную строгость, недостаточную «русскость» и особенно – за недостаточную идеологическую заостренность. Относясь к Пушкину с уважением, они, тем не менее, ставили выше него Н.В. Гоголя, как писателя более «русского» и «православного». В то же время представители славянофильства не отдавали себе отчета в том, что они уже говорят языком, созданным Пушкиным, – так же, как мольеровский господин Журден не подозревал, что он говорит прозой.

Впрочем, и славянофилы внесли существенный вклад в формирование русского языка, прежде всего – языка русской философии. Но приоритет Пушкина здесь несомненен.

Академик В.В. Виноградов, автор «Очерков по истории русского литературного языка», а также специального исследования «Язык Пушкина», отмечал, что великому поэту удалось осуществить синтез трех основных языковых категорий – церковнославянской, европейской и национально-русской. Пушкин, по его словам, выступил против «узости» и «провинциализма» русских литераторов и «убедился в необходимости национально-исторического оправдания европейских, по преимуществу французских, элементов в составе русского литературного языка». С другой же стороны, Пушкин «увидел структурную основу русского национально-литературного языка» в «народной поэзии и памятниках древнерусской письменности» [Виноградов, 1935, с. 454].

Виноградов писал также, что именно Пушкин «создал и санкционировал многообразие национальных стилей, многообразие стилистических контекстов, спаянных темой и содержанием. Вследствие этого открылась возможность бесконечного индивидуально-художественного варьирования литературных стилей» [Виноградов, 1982, с. 294].

Как объяснял сам Пушкин, лексика и стилистика французского языка могут быть использованы в исторических, философских, научных текстах, когда необходимо максимально точно передать содержание логических понятий.

С другой стороны, русский язык, в отличие от французского, имеет то преимущество, что он сохранил первоначальную «свежесть и простоту», и потому способен передать любые оттенки чувств. Впрочем, Пушкин признавал и прямые заимствования «иноплеменных слов», если русский язык еще не выработал выражений, соответствующих предметам или явлениям, которые эти слова обозначают.

Итак, лексические и стилистические заимствования из других языков, с точки зрения Пушкина, вполне оправданы как средства для развития своего языка. Столь же свободно великий поэт относился и к любым текстовым, сюжетным, смысловым заимствованиям.

Время от времени в современной публицистике и даже в научной литературе появляются «разоблачительные» сообщения о найденном у Пушкина очередном «плагиате». Реакция наиболее простодушных почитателей поэта, убежденных в том, что гений обязательно должен каждый раз изобретать нечто уникальное, – недоумение и отрицание. Но пушкинистам уже давно известны невероятные, по выражению Непомнящего, «поистине чудовищные» масштабы пушкинских заимствований: от сюжетов до отдельных знаменитых выражений.

Действительно, «по меньшей мере, половина пушкинской лирики, порой самой сокровенной, представляет собою переводы, переложения, «подражания», переделки и перепевы». Остальная же часть этой лирики «пронизана реминисценциями из самых разных источников» [Непомнящий, 2001, с. 421]. Из цитат и реминисценций в весьма значительной степени состоят и «Евгений Онегин», и «Повести Белкина», и «Маленькие трагедии», и многое другое. Существуют весьма объемные исследования, включающие подробные перечни всех случаев использования Пушкиным чужих произведений и сопоставление пушкинских текстов с текстами первоисточников, представлявших собой для поэта своего рода «строительный материал».

Во многом обилие заимствований как раз обусловлено интегративной ролью Пушкина в отечественной культуре, своеобразной миссией, которая ему была предназначена. Вейдле высказался на этот счет очень точно: «Быть гением — это не значит уметь обходиться без чужого (в том числе и национально чужого); это значит уметь чужое делать своим». Нередко гений состоит «в способности доделать недоделанное, увидеть по-новому то, что уже было видно другими». И далее: «Восприимчивость столь же существенная черта гения, как и оригинальность (не та, которую приходится искать, а та, от которой нельзя избавиться)» [Вейдле, URL]. Действительно, пушкинская оригинальность, заключающаяся в сочетании необыкновенной простоты и всеобщности, позволяла довести «чужое», ставшее «своим» до совершенства, недостижимого для других.

Произведения многих всемирно известных литераторов, например, Шекспира или Гете, также изобилуют заимствованиями. Но Пушкин, в отличие от них, совершенно отчетливо понимал, что он ответственен за всю русскую культуру, которая через его творчество проявляет и осмысливает себя уже на новом качественном уровне.

Когда Пушкин обратился к наследию русских писателей, а также к русской народной культуре, усваивая и перерабатывая то, что было создано до него, он понимал, что по пути, проложенному им, пойдет вся отечественная литература. Когда он использовал сюжеты, образы, отдельные выражения из произведений зарубежных авторов или из зарубежного фольклора, тем самым, по словам Вейдле, «сама Россия при его посредничестве» делала выбор: какие элементы иностранной культуры ей следует принять, а какие – отбросить.

Стоит отметить, что в пушкинские времена Россия как раз вступила в период бурного формирования национального

самосознания. Сделавшись, как писал уже упомянутый А.С. Хомяков, «по милости Божией» самым обширным из современных ему государств, наша страна должна была теперь создать соответствующую ее политическому могуществу и географической протяженности самостоятельную систему мышления. В условиях данного исторического вызова беспрецедентная созидаящая роль принадлежала литературе и языку. В.А. Жуковский 26 декабря 1826 года в письме П.А. Вяземскому высказал замечательную мысль: «Нет ничего выше, как быть писателем в настоящем смысле. Особенно для России. У нас писатель с гением сделал бы более Петра Великого. Вот для чего я желал бы обратиться на минуту в вдохновительного гения для Пушкина, чтобы сказать ему: “Твой век принадлежит тебе! Ты можешь сделать более всех твоих предшественников!”» (Жуковский, 1960, с. 589). Иными словами, писатель может дополнить развитие материальной цивилизации развитием духовной культуры. Он, как творец, дает имена всем вещам окружающего мира и, тем самым, пересоздает этот мир. Ведь слово, имя – это первый шаг к самопознанию и саморазвитию.

Идея Жуковского о высоком предназначении писателя «особенно для России» и сравнение Пушкина с Петром Великим не случайны. После «революции» Петра необходимо было восстановить единство исторического процесса, а также единство народной и элитарной культур и, таким образом, вывести на новый уровень национальное самосознание, которое, сохраняя национальные черты, включило бы в себя и европейский опыт.

В знаменитой речи о Пушкине Ф.М. Достоевский рассуждает, в числе прочего, и на тему национального самосознания: «Пушкин как раз приходит в самом начале правильного самосознания нашего, едва лишь начавшегося и зародившегося в обществе нашем после целого столетия с петровской реформы, и появление его сильно способствует освещению темной дороги нашей новым направляющим светом» (Достоевский, 1992, с. 136).

Речи о Пушкине предшествовало «Объяснительное слово», в котором Достоевский, по выражению академика И.В. Кондакова, сформулировал своего рода доминанту русского национального самосознания: «Русская душа <...> гений народа русского, может быть, наиболее способны, из всех народов, вместить в себе идею всечеловеческого единения, братской любви, трезвого взгляда, прощающего враждебное, различающего и извиняющего несходное, снимающего противоречия» (Достоевский, 1992, с. 132). Писатель развивает свой тезис в самой «пушкинской речи»: «Да, назначение

русского человека есть бесспорно всевропейское и всемирное. Стать настоящим русским, стать вполне русским, может быть, и значит только <...> стать братом всех людей, *всечеловеком*, если хотите» (Достоевский, 1992, с. 145).

Сопоставление обоих высказываний и анализ содержания понятия «всечеловек» по Достоевскому позволяет сделать вывод, что оно включает в себя несколько важных составляющих. Прежде всего это идея «всечеловеческого единения, братской любви», которая, в свою очередь, предполагает умение прощать «враждебное», различать и извинять «несходное» и, главное, – снимать противоречия. «Всечеловек» способен не просто выявить общие черты, характерные для многообразных культур народов, составляющих человечество, но и подняться на уровень предельных культурно-исторических обобщений.

Пушкин обладал наивысшей способностью к синтезу, к преодолению противоречий – культурных, социальных, исторических, идеологических, национальных и других. Поскольку русская культура полна таких бинарных оппозиций, ей необходим некий духовный «центр», который и воплотил в своем творчестве Пушкин. И.В. Кондаков пишет: «Пушкинская универсальность – нравственная и эстетическая, социально-политическая и этнонациональная, философская и религиозная – позволяла ему встать посередине мира и связать в себе несоединимое, наглядно представить интертекстуальное *всеединство* мира, столь же недостижимое практически, сколь и несомненное, жизненно необходимое, реальное» [Кондаков, 1999, с. 162-163].

Пушкин, создавая русский литературный язык, фактически освободил его от прямой связи с той или иной идеологией и дал ему способность становиться средством выражения любого идейного, научного, философского и политического содержания.

В.С. Соловьев высказал суждение о творчестве Пушкина, вполне совпадающее с интенциями его собственной «философии всеединства»: «Никакой предвзятой, сознательной и преднамеренной тенденции и никакой претензии мы у Пушкина не встретим, если только будем смотреть на него прямо, если только сами подойдем к нему свободные от предвзятой тенденции и несправедливого притязания непременно высмотреть у поэта то, что для нас самих особенно приятно <...> При сильном желании и с помощью вырванных из целого отдельных кусков и кусочков можно, конечно, приписать Пушкину всевозможные тенденции, даже прямо противоположные друг другу: крайне прогрессивные и крайне

ретроградные, религиозные и вольнодумные, западнические и славянофильские, аскетические и эпикурейские» [Соловьев, 1990, с. 45]. Фактически о том же в настоящее время пишет В.С. Непомнящий: обилие в литературе «моих Пушкиных» свидетельствует об узости подхода интерпретаторов, но, с другой стороны – о совершенно уникальной и непостижимой универсальности Пушкина, которая сродни «всемирности» самой русской культуры.

Почему же для поэта столь важным было объединение противоположностей, преодоление противоречий? Согласно наблюдениям литературоведа П.В. Палиевского, Пушкин, «нисколько не смущаясь и не считая нужным оговариваться», «обычно говорит об одном и том же нечто абсолютно противоположное» [Палиевский, 1979, с. 55]. В самом деле, достаточно вспомнить, например, известное описание Петра в поэме «Полтава»: «...Лик его ужасен. Движенья быстры. Он прекрасен». Палиевский констатирует: «Посредствующие расстояния у него (Пушкина – М.Ш.) отсутствуют и крайности сливаются в одно. И то и другое сообщается с одинаковой уверенностью правды и как бы теряет необходимость спора: сама эта проблема для него не существует...» [Палиевский, 1979, с. 55]. Исследователь считал, что великий поэт «разработал метод-стиль объединения противоположностей: не с помощью их логического решения, а, можно было бы сказать, утверждения их соотносительного места в растущем целом» [Палиевский, 1979, с. 58]. Сознывая свое особое положение в русской культуре и истории, поэт прилагал огромные усилия к тому, чтобы интегрировать национальную культуру в общечеловеческую и, в то же время, саму Россию представить другим странам и народам как огромный, единый и многообразный мир, в котором присутствует все человеческое и человеческое. «Чтобы принадлежать к человечеству, мне достаточно быть русским», – пишет современный философ Ф.И. Гиренок [Гиренок, 1998, с. 8]. Впоследствии именно такой взгляд на свою страну, несомненно, сформировавшийся в первую очередь благодаря Пушкину, позволит русским философам сделать Россию предметом отечественной философии. Тот же Гиренок продолжает: «Греки уходили из дома. Мы возвращаемся. Русская философия возникает в XIX веке. И возникает она как род литературы» [Гиренок, 1998, с. 10]. Автор удачно использует пушкинский «метод-стиль объединения противоположностей», утверждая: «В России идеи не развиваются и не превращаются друг в друга. Они размещаются друг около друга» [Гиренок, 1998, с. 12].

Выдающиеся представители русского «философского ренессанса» конца XIX – начала XX веков (В.С. Соловьев, Д.С. Мережковский, С.Л. Франк, Г.П. Федотов, В.В. Розанов, С.Н. Булгаков и др.), как правило, подчеркивали, что Пушкину удалось воплотить «ядро», суть русской культуры, то, что представляет в ней непреходящую ценность и для самой России, и для мира в целом. Ф.М. Достоевский, как уже было сказано, воспринимал Пушкина в качестве абсолютного выражения русского национального самосознания. Для этих и многих других авторов основными чертами творчества Пушкина оставались гениальные простота и всеобщность, природу которых невозможно в полной мере объяснить рационально. И все же стремление философски осмыслить наследие создателя русского литературного языка всегда было и остается свойственным нашей культуре.

Упомянутые выше простота и всеобщность вызвали к жизни утверждение о том, что Пушкину присущ реализм совершенно особого рода. Непомнящий использует понятие «онтологический реализм». Такой реализм сквозь неизбежные противоречивость и несовершенство действительности показывает совершенство мира и человека. В этом смысле Пушкина можно рассматривать как поистине европейского писателя, в творчестве которого европейская культура сумела преодолеть характерное для нее на протяжении всего периода Нового времени противоречие между «мрачной действительностью и светлым идеалом» [Непомнящий, Да ведают потомки православных..., URL].

Знаковыми являются слова Льва Шестова: «Пушкину нужно показать нам, что идеалы существуют на самом деле <...> Там, в Европе, лучшие, самые великие люди не умели отыскать в жизни тех элементов, которые бы примирили видимую неправду действительной жизни с невидимыми, но всем бесконечно дорогими идеалами, которые каждый, даже самый ничтожный человек вечно и неизменно хранит в своей душе. Мы с гордостью можем сказать, что этот вопрос поставила и разрешила русская литература, и с удивлением, с благоговением может теперь указать на Пушкина: он первый не ушел с дороги, увидев перед собой страшного сфинкса, пожравшего уже не одного великого борца за человечество. Сфинкс спросил его: как можно быть идеалистом, оставаясь вместе с тем и реалистом, как можно, глядя на жизнь, верить в правду и добро? Пушкин отвечал ему: да можно, и насмешливое и страшное чудовище ушло с дороги» [Шестов, 1990, с. 197].

Возвратимся к нашему первому тезису. Пушкину, как никому другому, удалось осуществить синтез противоположностей: идеала и

реальности, западничества и славянофильства, общечеловеческого и национального, России и Европы. Но представители европейской культуры крайне редко осознают духовное родство Пушкина с этой культурой из-за уже упомянутой его принципиальной непереводаемости. Причина же непереводаемости – универсальность, непередаваемая иными средствами, кроме уже использованных поэтом. В данном контексте показательны как раз суждения писателей русской эмиграции, которым проблема была видна изнутри. Вейдле задает риторический вопрос: «Как же европейцам было понять творения поэта, метко застреленного европейцем, но плохо переведенного на европейские языки?» [Вейдле, URL]. С другой стороны, будучи оторванными от России и плохо представляя себе развитие духовной жизни на их родине, деятели эмиграции опасались, что советская культура откажется от русской классики, опасались, что и Пушкина забудут, предадут.

Тревога за будущее классического литературного наследия в самой России звучит в еще одном высказывании Вейдле: «Европа восхищается воспринятой на азиатский лад, искусственно-экзотической Россией, но в Пушкине не узнает себя; если же узнает, то узнанного не ценит: ей хочется чего-нибудь поострее, поизломанней <...> А Россия, знает ли она еще, что Пушкин не только Пушкина ей дал, но и Данте, и Шекспира, и Гёте – а потому и Гоголя, и Толстого, и Достоевского, – что в его творчестве больше, чем во всех революциях и переворотах, совершилась судьба ее самой...» [Вейдле, URL]. Обеспокоенность русского литературного сообщества за рубежом тогда, в год столетия гибели Пушкина, к счастью, оказалась необоснованной. Но сегодня проблема роли классической литературы в формировании культуры и перспектив исторического развития России вновь становится актуальной.

Литература

- Вейдле В.В. Пушкин и Европа. [Электронный ресурс]. URL: <https://predanie.ru/veydle-vladimir-vasilevich/book/85100-esse/#toc3>.
- Виноградов В.В. Язык Пушкина. М.-Л, 1935.
- Виноградов В.В. Очерки по истории русского литературного языка. М. 1982.
- Гиренок Ф.И. Пато-логия русского ума. Картография дословности. М., 1998.
- Измайлов Н.В. И.С. Тургенев – переводчик Пушкина на французский язык // Пушкин: Исследования и материалы. Л., 1974. Т. 7. Пушкин и мировая литература.
- Кондаков И.В. Пушкин как феномен русской культуры. // Общественные науки и современность. 1999. № 6.
- Непомнящий В.С. А имя России – все-таки Пушкин // Новая газета. 2009. № 13.

Непомнящий В.С. Да ведают потомки православных. Пушкин. Россия. Мы. [Электронный ресурс]. URL: <https://azbyka.ru/fiction/da-vedayut-potomki-pravoslavnyx-pushkin-rossiya-my/>.

Непомнящий В.С. Пушкин. Избранные работы 1960-х – 1990-х гг. М., 2001. Т. 1. Поэзия и судьба.

Непомнящий В.С. Пушкин. Размышления в лицейский день. [Электронный ресурс]. URL: http://www.sinergia-lib.ru/index.php?section_id=143&id=181.

Палиевский П.В. Литература и теория. М., 1979.

Соловьев В.С. Значение поэзии в стихотворениях Пушкина. // Пушкин в русской философской критике: кон. XIX – пер. пол. XX в. М., 1990.

Хомяков А.С. О старом и новом. Статьи и очерки. М., 1988.

Шестов Л. А.С. Пушкин. // Пушкин в русской философской критике: кон. XIX – пер. пол. XX в. М., 1990.

Список источников

Достоевский Ф.М. Записки о русской литературе. [Электронный ресурс]. URL: <http://croquis.ru/2365.html>.

Достоевский Ф.М. Объяснительное слово по поводу печатаемой ниже речи о Пушкине. Пушкин // Русская идея. М., 1992.

Жуковский В.А. Письмо Вяземскому П.А., 26 декабря 1826 г. // Жуковский В.А. Собрание сочинений: в 4-х тт. М., Л., 1960. Т. 4

Пушкин А.С. Собрание сочинений в 10-и тт. М., 1958. Т. 7.

References

Vejdle V.V. *Pushkin i Evropa* [Pushkin and Europe]. URL: <https://predanie.ru/veydle-vladimir-vasilevich/book/85100-esse/#toc3> (accessed 05.07.2018).

Vinogradov V.V. *Yazyk Pushkina* [Language of Pushkin]. М., Л., 1935.

Vinogradov V.V. *Ocherki po istorii russkogo literaturnogo yazyka* [Essays on the History of the Russian Literary Language]. М., 1982.

Girenok F.I. *Pato-logiya russkogo uma. Kartografiya doslovnosti* [Pathology of the Russian Mind. Cartography of the Pre-verbality]. М., 1998.

Izmajlov N.V. *I.S. Turgenev – perevodchik Pushkina na francuzskij yazyk* [I.S. Turgenev – Pushkin's Translator in French]. *Pushkin: Issledovaniya i materialy. T. 7. Pushkin i mirovaya literatura* [Pushkin: Studies and materials. Vol. 7. Pushkin and World Literature]. L., 1974.

Kondakov I.V. *Pushkin kak fenomen russkoj kul'tury* [Pushkin as a Phenomenon of Russian Culture]. *Obshchestvennye nauki i sovremenost'* [Social Sciences and Modernity]. 1999. No. 6.

Nepomnyashchij V.S. *A imya Rossii – vsyo-taki Pushkin* [And the Name of Russia – after all Pushkin] *Novaya gazeta* [New Newspaper]. 2009. No. 13.

Nepomnyashchij V.S. *Da vedayut potomki pravoslavnyh. Pushkin. Rossiya. My* [Let the Descendants of the Orthodox Know. Pushkin. Russia. We]. URL: <https://azbyka.ru/fiction/da-vedayut-potomki-pravoslavnyx-pushkin-rossiya-my/> (accessed 05.07.2018).

Nepomnyashchij V.S. *Pushkin. Izbrannye raboty 1960-h –1990-h gg.: v 2-h tt. T. 1: Poehziya i sud'ba* [Pushkin. Selected Works of the 1960s –1990-ies. : in 2 vols. Vol. 1: Poetry and Fate]. М., 2001.

Nepomnyashchiy V.S. *Pushkin. Razmyshleniya v licejskij den'* [Pushkin. Reflections on the Lyceum Day] URL: http://www.sinergia-lib.ru/index.php?section_id=143&id=181 (accessed 05.07.2018).

Palievskij P.V. *Literatura i teoriya* [Literature and Theory]. М., 1979.

Solov'ev V.S. *Znachenie poezhii v stihotvorenyah Pushkina* [The Meaning of Poetry in the Poems of Pushkin]. *Pushkin v russkoj filosofskoj kritike: konec XIX – pervaya polovina XX v.* [Pushkin in Russian philosophical criticism: the end of the XIX – first half of the XX century]. М., 1990.

Khomyakov A.S. *O starom i novom. Stat'i i ocherki* [About the Old and the New. Articles and Essays] М., 1988.

Shestov L. A.S. *Pushkin*. [A.S. Pushkin]. *Pushkin v russkoj filosofskoj kritike: konec XIX – pervaya polovina XX v.* [Pushkin in Russian Philosophical Criticism: the end of the XIX – first half of the XX century]. М., 1990.

List of sources

Dostoevsky F.M. *Zapiski o russkoj literature*. [Notes on Russian Literature]. URL: <http://croquis.ru/2365.html> (accessed 05.07.2018).

Dostoevsky F.M. *Ob"yasnitel'noe slovo po povodu pechataemoj nizhe rechi o Pushkine. Pushkin*. [Explanatory Word about the Speech about Pushkin below. Pushkin]. *Russkaya ideya* [The Russian Idea]. М., 1992.

Zhukovskij V.A. *Pis'mo Vyazemskomu P.A., 26 dekabrya 1826 g.* [Letter to Vyazemsky P.A., December 26, 1826]. *Sobranie sochinenij: V 4 t. T. 4.* [Collected Works: In 4 vols. V. 4.]. М., L., 1960.

Pushkin A.S. *Sobranie sochinenij: v 10-i tt. T. 7.* [Collected works: in 10 vols. Vol. 7]. М., 1958.

СИМВОЛИКА ГРОЗЫ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ И.С.ТУРГЕНЕВА

М.А. Курбакова

Ключевые слова: образ-символ, мимезис, философское содержание творчества, взаимосвязь художественно прекрасного и природы, символическая система.

Keywords: symbolic image, mimesis, philosophic content of works, connection between arts beauty and the Nature, symbolic system.

DOI 10.14258/filichel(2018)4-03

В русской литературе традиционно считается, что А. Островский, продолжая традицию Грибоедова, является первым писателем, использовавшим символы, в частности символику грозы, наделив